

«Дороги». «Цыганские малодня», «Фарабово племя» стремятся передать в образно-повествовательной форме путь скитания-становления цыганского народа и его искусства. Но авторы постановки стремятся как можно дальше уйти от традиционных национальных форм в абстрактно-образное осмысление, что не всегда себя оправдывает. Порой от эпизода остается ощущение недо-

зодом из произведений мировой литературы (здесь и «Соброр Парижской богематери» В. Гюго, и «Кармен» П. Мери-и и «Цыганы» А. Пушкина, и «Живой труп» Л. Толстого) — как бы действительному показательству незаурядности этого народа. Но в то же время некоторая невыстроенность литературных вставок делает обращение к ним все-таки нарочитым, в особенности когда

сущностного его осмысления. Понятна и правомерна мысль постановщиков показать слиянность цыганского народа с русским через обозначение тех трагических событий, которыми был отмечен совместный путь. Но опять-таки поверхностное обозначение (как, например, появившиеся на заднем плане каски фашистов-захватчиков) скорее вредит авторской мысли, чем передает ее. Впрочем, постановщики и сами, кажется, ощущают некоторую прогноршность сочлененности разно-стилевых основ в льющую долю спектакля отдают на откуп той самой цыганской песне и пляске, в которой сильнее всего выражены самоненность труппы и ее перспективы.

У НАС НА ГАСТРОЛЯХ

Пластика, ритмы, краски...

КАЖДЫЙ театр имеет своего зрителя. Тем более театр цыганский. Те, кто заполнил зал Дарья культуры имени Ленского, где проходят гастроли московского цыганского театра «Ромэн», конечно, обратили здесь, имея в виду его специфику. И какие бы новые зрелищные, музыкальные формы ни предлагал современный театр, магическое искусство цыганской песни и танца всегда останется притягательным, став неотъемлемой частью русской культурной традиции...

Существование единственного в мире цыганского театра, каким является «Ромэн», не так давно отмеченный свое пятидесятилетие, не просто явление театра национального, а своего рода феномен. Неудивительно поэтому, что немалый возраст для любого другого театра в данном случае поразительно мал, и, какое бы признание ни стояло уже за спиной «Ромэна», он всегда будет оставаться в поиске, как театр молодой.

Об этом свидетельствует, в частности, и стаящая уже как бы общепризнанной визитной карточкой театра последние лет литературно-музыкальная фантазия И. Ром-Телечева и Н. Сидченко «Мы цыгане», которой открылись гастрольный коллектив. Эта композиция — попытка в привычной форме оживить путь формирования цыганского искусства вплоть до сегодняшнего дня. Эпизоды «Из тьмы веков»,

статочности самого надежного и верного из языков в данной ситуации — языка собственно национальных ритмов, пластики. Мысль композитора В. Гроховского как можно более осмыслить особый цыганский колорит до некоторого обобщенно-символического звучания порой мешает пробыться к тому главному, сущностному, что и составляет смысл цыганского искусства.

Характерно, как взорался зал аплодисментами в начале спектакля, когда из темноты сены вольно прокатился голос левша-цыгана. Будто раздвигая стены, обещающая неосознанно желанную «вольницу» чувство. И нельзя впрекнуть зрителя, что он ждал той самой страстности, темпераментности, живого переживания, по которым тоскует все более зажатый в рамки условностей и интеллектуализации житель больших годов. Но когда везущий, обозначенный в программке как Современник, начинает внятно рассказывать словами о тяжести пройденного пути, то поразить здесь может разве что завывание хода, а эмоциональное напряжение выстрел зрителя сразу же спадает.

На этом же уровне воспринимается и достоверность, с какой авторы композиции апеллируют к «цыганским» эпи-

вход пускается текст и соблюдается внешняя драматургия действия.

Когда же действие перерастает внешний ряд, поражают нераскрытые возможности театра. Например, сцена поединка Хосе (Г. Жемчужный) и Гарсиа (П. Бобров) из отрывка по Мери-и. Здесь сам ритм переживания героев — воцаряется Кармен (С. Яковская), подхваченный массовой, воочию убеждает, на уровне каких ощущений, на грани каких состояний рождается цыганский танец. Обнаруживаются велико-ленные краски того самого языка, к которому пробиваются постановщики и который они сами же стирают иной раз нарочитостью приемов композиции.

Наиболее вязки здесь, пожалуй, обращение к русской литературе (обращаясь к «Очарованному страннику» Н. Лескова, например, Головада так «театрализуют», что герой становится пародией на самого себя, а обращенный к нему романс Прушеники (Р. Демет) теряет притягательную задуманность, не из-за одной только громкостности (микрофона). Любая поверхностность здесь опасна. Сложность и тонкость связей и традиций русской и цыганской культур требует каких-то иных ходов, не «называния» факта, а

В созвездии солистов, чередой прошельник перед зрителем, нельзя не выделить С. Яковскую. Поразительная артистичность, которая сказывается в каждом движении, в тонком чувстве ритма, в умении держать паузу, когда звороженный зритель одинаково ловит взглядом саму неполовичность, выделяет ее героиню. Главное в Яковской — неподдельный драматизм, что особенно важно, так как речь идет все же о спектакле, а не о серии номеров. И, пожалуй, именно в ней сосредоточилась та трагическая «вольница», которая в душа и плоть цыганского искусства.

Когда зал встретил Н. Сличенко шквалом оваций, здесь была не только благодарность любимому певцу и актеру за его мастерство, но и благодарность за само дело, которому он посвятил всю свою жизнь. Несомненно, что под его руководством театр ищет и будет продолжать искать все новые и новые формы. Поиск оправдывает себя — театр получает все большую популярность как в нас в стране, так и за рубежом о чем свидетельствуют хотя бы японские гастролы

Ленинградцы тепло встречают «Ромэн» в своем городе. Эти встречи — живое свидетельство насущной потребности в его так не похожем на других голоса...

А. КРАВЦОВА

121 OKT 1983

40 M E W M